

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Александр НЕКРИЧ

1941

22 ИЮНЯ

Предисловие
Алексея Исаева

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2024

УДК 94(47+57) "1941"
ББК 63.3(2)622.11
Н48

Некрич, Александр Моисеевич.

Н48 1941, 22 июня / Александр Некрич ; предисловие
Алексея Исаева. — Москва : Яуза-пресс, 2024. —
288 с.

ISBN 978-5-9955-1176-2

Именно эта, запрещенная в СССР и ставшая поистине легендарной книга пробудила широкий интерес к причинам трагедии 1941 года. Александру Некричу удалось мастерски нарисовать широкую картину обстановки, предшествовавшей вторжению Гитлера в СССР, а его выводы не устарели до сих пор. Предисловие кандидата исторических наук Алексея Исаева.

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-9955-1176-2

© Некрич А.М., 2023
© Исаев А.В., предисловие, 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ИСАЕВА

Эта книга написана человеком, который участвовал в операциях психологической войны (или psy-ops, как их называют наши вероятные партнеры) в крупных и значимых операциях Великой Отечественной. 22-летний Александр Некрич попал на фронт в декабре 1942 г. в составе 2-й гвардейской армии, когда эта армия отбивала попытку Манштейна прорваться на вырубку Паулюсу. Когда я пересматривал в последнее время фильм «Горячий снег», не мог отделаться от мысли, что где-то там, в штабе Малиновского (Г. Жжёнова) есть молодой человек, имя которого станет широко известным много лет спустя после войны. Тогда, в 1942–1943 гг., советские «пси-опс» скрывались за тусклым наименованием «7-й отдел политотдела» армии. На Миус-фронте летом 1943 г. проводившиеся им допросы пленных стали одним из средств выявления факта прибытия танкового корпуса СС. Некрич с передовой через громкоговоритель уговаривал солдат и офицеров противника сдаваться, и к его словам прислушивались, становясь перебежчиками.

В наградном листе с представлением к ордену Отечественной войны II степени написано: «Под

влиянием нашей пропаганды имеется много случаев перехода немецких солдат к нам в плен». Пропаганда через громкоговоритель велась с дистанции в несколько сот метров от вражеских окопов. После войны Александр Некрич выбирает научную стезю и в 1950 г. становится сотрудником Института истории Академии Наук СССР. Как научный сотрудник, он пишет сначала кандидатскую диссертацию «Английская политика в Европе накануне 2-й мировой войны», а затем и докторскую — «Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.)». Специализация просматривается вполне однозначно — международная политика.

Однако, как и многих людей того поколения, его мучил вопрос о причинах катастрофического начала войны. Здесь Некрич был не одинок. Такими же вопросами задавался Константин Симонов. Ответы, которые пытались давать в 1960-е, часто были наивными, а то и просто неправильными. Первопричиной этого был недостаток информации. Боевые документы частей, соединений и объединений Красной Армии в 1950–1960 гг. были закрыты грифами «Секретно» и «Совершенно секретно». Издававшиеся еще со сталинской поры «Сборники боевых документов Великой Отечественной войны» тоже были грифованными и доступными далеко не всем. Не говоря уж о том, что без данных противника даже взрывной силы отчеты советских мехсоединений 1941 г. не давали полной картины происходившего. Попытки же давать простые ответы на сложные вопросы в па-

радикале XX съезда («Сталин не верил», «Армию обезглавили») закономерно приводили к искаженной картине событий.

Почему ответы не были даны со стороны тех, кто имел доступ к оперативным документам Красной Армии и документам планирования? Во-первых, с формальной точки зрения многие документы оставались на секретном хранении и были недоступны тем, кто писал военно-исторические труды. Парадокс, но появление комиссии А. П. Покровского с опросом советских военачальников после войны о событиях 1941 г. объяснялось в том числе отсутствием доступа к первоисточникам как самого Покровского, так и его коллег. Во-вторых, военных эпохи холодной войны опыт Великой Отечественной войны интересовал в сугубо практическом смысле. Нужны были наработки, применимые при штатном развитии событий в случае перерастания войны холодной в войну горячую. Причем необязательно с пусками МБР по городам противника. Советская школа вовсе не исключала войны обычными вооружениями или с ограниченным использованием тактического ядерного оружия. В этом разрезе скорее ожидалось применение опыта прорыва фронта второй половины войны. В какой-то момент на сцене появилось тактическое ядерное оружие и опыт Великой Отечественной войны стал если не абстрактной схоластикой, то чем-то достаточно отвлеченным. Еще один фактор, который нельзя сбрасывать со счетов: участники войны в немалых званиях занимали высокие посты в советской военной и политической

иерархии. Соответственно копание в их неудачах по архивным документам могло привести к неоправданным последствиям для карьеры. Путь каждого из них через бури войны, например министра обороны Р. Я. Малиновского или самого генерального секретаря Н. С. Хрущева, вовсе не был усеян розами. Всегда можно было найти эпизоды, дающие повод для упреков.

В этих условиях Александр Некрич решает зайти на тему 1941 г. с другого ракурса, опираясь на доступные ему документы из западных архивов. Если обратить внимание на ссылки в книге, то они идут именно на доступные на Западе документы. Например, на сборник документов германской внешней политики (*Documents of German Foreign Policy — DGFP*). К слову, о ссылках, нельзя не отметить вот еще что. Первой ссылкой в книге Некрича идет ссылка стенографический отчет того самого XX съезда с разоблачением культа личности. «Совпадение? Не думаю!» — как сказал бы популярный телеведущий нашего времени.

Об истории написания книги нам известно не так много. С одной стороны, А. Некрич написал целую книгу воспоминаний, в том числе с изложением истории книги «1941, 22 июня». Однако произошло это в изданной уже после эмиграции в Лондоне в 1979 г. книге с броским названием «Отрешись от страха» с главами вида «Судороги сталинского режима» (прямо «Маньяк жарил и ел печень своих жертв» в бульварном листке 1990-х). При всем уважении, позволю себе не поверить в 100 % искренность автора строк книги, появив-

шейся именно там и именно тогда. Практически в окопе для psy-ops. Кроме того, нельзя не заметить, что созданию книги посвящена одна глава и в ней больше процесса «проталкивания», чем собственно написания. Рискну даже предположить, что реальная история работы над книгой оказалась бы не востребованной лондонским заказчиком и неполиткорректной в парадигме «непримиримый борец со сталинизмом».

Впрочем, есть на страницах «Отрешись от страха» пассаж, который вряд ли был продиктован политической конъюнктурой: «Книга «1941, 22 июня» была мною написана «на одном дыхании», т.е. легко и свободно, без оглядки на возможные последствия, при минимуме привычной самоцензуры. С того момента как я начал писать, я попытался отбросить всякие иные соображения, но писать лишь то, что само просилось на бумагу»¹. Относительно темпов написания книги лукавить не было никакого смысла. Как моцартовская легкость, так и «это был долгий, утомительный поиск» фактически равноценны в плоскости идейного посыла. Одновременно Некрич сообщает, что задумал книгу еще возвращаясь с фронта, т.е. сбор материалов и размышления над ними так или иначе велись лет десять, если не больше.

Может быть, отредактированный, лишенный цензурных правок вариант, изданный в 1965 г., стал еще лучше? К сожалению, это не так. Нет

¹ Некрич А. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: 1979. С. 212.

ничего более страшного, чем разочаровавшийся романтик. Не раз и не два в моей жизни мне приходилось встречать людей, исповедовавших в юности социалистические (коммунистические) идеалы, но в силу тех или иных обстоятельств оказавшихся разочарованными в них. Часто с яростью неопитов они бросались в новые верования, самого широкого спектра. Кто в условные «западники», кто в условные «славянофилы». Александру Некричу тут крупно «повезло»: ему пришлось пережить ломание об колено как Системой (звучит так себе, но по-другому не скажешь) так и бывшими коллегами. Травлю Некрича иначе как безобразной назвать нельзя. Аргументация с опорой на факты заменялась в ней пассажами вида «Отход от марксистско-ленинской классово-позиции — характерная черта книжки «1941. 22 июня», главная причина ее научной несостоятельности»¹. Причем выдвигались претензии в том числе совершенно дурацкие, вида «раз в многотомной истории войны написано, что пограничники бдили и охраняли, то агентуры в приграничных областях быть не могло».

Травля с запретом книги и частичным уничтожением ее тиража, исключение из партии с последующей эмиграцией в итоге возымели свой негативный эффект. Идеалы молодости были отброшены, но появившаяся на их обломках новая книга «1941. 22 июня» оказывается куда слабее оригинала. В ней больше обиды и борьбы, чем той моцартовской лег-

¹ Рецензия за подписями Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского в журнале «Вопросы истории КПСС». 1967. № 9.

кости изложения давно изученных автором фактов и последовательности событий одноименной книги 1965 г. издания. Грамотного академического историка сломали, потом посадили в окоп для psy-ops с крайне негативными для науки последствиями. О результативности psy-ops судить тут не берусь.

Книгу, напечатанную гигантским по нынешним временам тиражом в 50 тысяч экземпляров, написал человек левых взглядов, веривший в те идеалы, что ему пришлось защищать в военной форме в 1942–1945 гг. Как профессиональному историку, Некричу удалось нарисовать широкую картину международной политики, предшествовавшей 22 июня 1941 г. Он четко указывает на контакты финского Генштаба и Генштаба Германии еще зимой 1940–1941 гг. Пусть кратко, но емко Некрич обрисовывает взаимоотношения СССР и Болгарии в последние предвоенные месяцы. Некрич регулярно обращается к мировой прессе и ее сообщениям и прогнозам о развитии событий до самых последних дней перед 22 июня 1941 г. Все это весьма любопытно и актуально в наши дни. Тем более что нам самим довелось в прямом эфире наблюдать начало нескольких войн, пусть и меньшего масштаба, чем Великая Отечественная.

Затрагивая сугубо военные вопросы, Некрич постоянно оговаривается: «по мнению военных специалистов». В итоге автор «22 июня» верит на слово тезисам о деспотичном Г. И. Кулике, вставлявшем палки в колеса производителям хороших пушек. Более банальный ответ, что по 45-мм противотанковым и 76-мм дивизионным пушкам

план был выполнен и производственные мощности задействовали для других направлений, не рассматривался. Реальная готовность укрепленных районов, реальный потенциал «линии Сталина» на старой границе Некричем проговариваются так, как в военно-исторической литературе того времени, т.е. никак. История с постройкой бетонных взлетных полос на аэродромах приграничных округов тоже освещается по обрывкам сведений об этом процессе, просачивавшимся в открытые издания. Даже слова «бетонная» и «ВПП» не употреблялись. Что это была за модернизация, читателю (да и самому Некричу) остается неизвестно.

Вместе с тем, Некрич ухватил суть вопроса с модернизацией аэродромной сети. В отчете штаба Западного фронта о действиях ВВС фронта за 1941 г. указывалось:

«Несмотря на предупреждения о том, чтобы ВВП строить не сразу на всех аэродромах все же 60 ВПП начали строиться сразу. При этом сроки строительства не выдерживались, много строительных материалов было нагромождено на летных полях вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя. В результате такого строительства аэродромов в первые дни войны маневрирование авиации было очень сужено и части оказывались под ударом противника»¹.

Не цитируя этот отчет и пересказывая из какого-то другого источника, Некрич указывает на проблему одновременного начала работ сразу на

¹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2589, д. 92, л. 10.

нескольких авиабазах, и формулировка в итоге получается корректная, вполне соответствующая действительности даже на современном уровне исторического знания. Когда близость нападения Германии стала осознаваться высшим руководством страны, вернуть аэродромы в исходное состояние было уже практически невозможно. Многие взлетные полосы в особых округах были перекопаны и загромождены строительной техникой. Это существенно ограничило маневр авиачастей приграничных армий и предопределило их разгром на аэродромах.

Столь же наивными кажутся сейчас пассажиры про полководческие и провидческие способности репрессированных военачальников. В последние десятилетия завеса секретности была поднята не только над Красной Армией 1941 г. или 1939 г., но и над РККА 1936 г. В этой связи благодный образ могучей РККА до репрессий, надломленной тираном-параноиком, несколько потускнел. Проблем в вооруженных силах в период до репрессий было как бы не больше, чем в 1941 г. С другой стороны, на своем поле А. Некрич дает достаточно ценную информацию о реакции на политические процессы в СССР со стороны европейских политиков, в частности чехословацкого лидера Бенеша.

Еще один пример добросовестного заблуждения Александра Некрича — это история с полетами немецкой разведывательной авиации. Он был вынужден повторять стереотипное суждение о запрете советским частям открывать огонь по самолетам-разведчикам, пересекающим границу

с сопредельной стороны. Реальная ситуация была намного более сложной. Советские самолеты также пересекали границу, вольно или невольно. У Некрича просто не было возможности ознакомиться с трофейными немецкими документами в так называемом 500-м фонде архива МО СССР. Например, 26 мая 1941 г. в суточном донесении отдела разведки и контрразведки 4-й немецкой армии сообщалось:

«Русский самолет войсковой авиации (истребитель И-16) — ясно видны русские государственные опознавательные знаки — 26.5.41 г. в 11 час. 40 мин. перелетел границу между Нарев в направлении Остроленка на высоте около 2000 м, пролетел над казармами в Войцеховице...

Русский истребитель (ясно виден советский государственный опознавательный знак) в 12 час. 10 мин. пролетел над германской территорией в районе Остров-Маз[овецкий], опустился до 50 м над городом и на высоте около 500 м перелетел через границу в районе Угниево. Время пребывания над территорией Германии составило около 5 мин.»¹.

Понятно, что это могли быть добросовестные потери ориентировки советскими летчиками в процессе выполнения учебных полетов. Отмеченные случаи, скорее всего, были заурядными ошибками в прокладке курса. Снижение же было попыткой сориентироваться. Однако летавшие над СССР немецкие самолеты-разведчики выдвигали ту же версию — потеря ориентировки. Крыть это было нечем.

¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, лл. 62–63.

В июне 1941 г., когда до войны оставались считанные дни, такие полеты продолжились. Так 6 июня 1941 г. отдел разведки и контрразведки 4-й немецкой армии докладывал:

«1) 5.6.41 г. в 11 час. 58 мин. русский самолет, подойдя с севера, на большой высоте перелетел через Буг в направлении Сарнаки (40 км восточнее Седлец);

2) 6.6.41 г. между 10 час. 15 мин. и 10 час. 30 мин. 2 русских биплана типа Р-5 или Р-Z на высоте около 500 м вторглись в воздушное пространство Германии на участке Коморово — Остров-Маз[овецкий] — Угниево. Время пребывания от 3 до 7 мин.»¹.

Не всегда наблюдатели могли разглядеть опознавательные знаки:

«10.6.41 г. в 10.00 час. 3 самолета из России перелетели границу рейха между Биркенберг и Штайнен и через короткое время под Биркенберг возвратились в Россию. Высота полета 1500 м. Одномоторный моноплан»².

Иной раз вторжения были довольно продолжительными по времени. 8 июня 1941 г. немецкий крепостной штаб «Блаурок» (кодовое обозначение группы армий) докладывал:

«В 12 час. 05 мин. перелетел границу русский моноплан. Направление полета: Кольно — Винчонта — Турау. В 13 час. 05 мин. самолет перелетел границу в обратном направлении»³.

¹ Там же, л. 45.

² Там же, л. 33

³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, л. 39.

Интересно отметить, что в последних случаях речь явно идет об истребителях. Причины частой потери ориентировки пилотами-истребителями очевидны. Когда пилот не только занят пилотированием, но и вынужден прокладывать курс, ошибки неизбежны. Особенно на незнакомом еще ТВД. Достоверных (по опознавательным знакам) вторжений в свое воздушное пространство советских двухмоторных самолетов немцы не отмечают.

Также немцами фиксировалась активность советской разведывательной авиации, действовавшей без нарушения границы соседа. В донесениях мелькают сообщения типа «два самолета-разведчика барражировали вблизи границы» или «5 русских самолетов-разведчиков пролетели вдоль границы на высоте около 1000 м».

Один из последних отмеченных немцами перед войной случаев пересечения германской границы советскими ВВС был в последний мирный день. В суточном донесении крепостного штаба «Блау-рок» указывалось: «21.6 в 3 час. 30 мин. вторжение 3-х русских истребителей над районом Яновка, 10 км северо-западнее Августов».

Соответственно претензии относительно нарушения советского воздушного пространства наталкивались на встречные претензии о нарушении воздушного пространства «Генерал-губернаторства». Приказ стрелять по нарушителям обернулся бы шквальным огнем «эрликонов» по «одномоторным монопланам» над Остров-Мазовецким с непредсказуемыми последствиями.

Нарушения границы обеими сторонами продолжались до самого последнего момента. В журнале боевых действий (ЖБД) 2-й танковой группы за 21 июня 1941 г. имеется следующая запись:

«17.30 — Доклад от наблюдателей XXXXVII тк — немецкий самолет пересек русскую границу у Колодно (14 км северо-западнее Брест-Литовска), был обстрелян русскими истребителями.

18.00 — 2 русских истребителя и 3 разведчика долетели до Бохукалы (16 км северо-западнее Брест-Литовска), противодействия им не оказано».

Фраза красноречивее некуда: «противодействия не оказано». А. Некрич всего этого не знал и вынужден был строить догадки на основе скурых фраз в мемуарах и официальной истории войны. Разборы в штабах авиасоединений приграничных округов про «блудеж» сталинских соколов с пересечением границы он просто физически не мог тогда прочитать.

Столь же неверны утверждения, что существовал жесткий запрет на поражение нарушителей. Самолеты-разведчики, когда до них могли дотянуться, советские летчики сбивали. Так 15 апреля 1941 г. высотный Ю-86Р из специального авиасоединения «командо Ровель», вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем из 46-го ИАП. Причем именно сбит, а не потерпел аварию. В упавшем самолете, согласно записи в журнале управления ПВО по учету нарушений границы немецкими самолетами,

было обнаружено пять пулевых пробоин¹. Пилотировал советский самолет флагштурман полка старший лейтенант П. М. Шалунов².

После аварийной посадки пилот Ю-86 унтер-офицер Шнец и наблюдатель унтер-офицер Вальтер были арестованы НКВД. Они успели привести в действие подрывные заряды, уничтожившие камеры и оборудование кабины³, но серьезной уликой против них была обнаруженная в самолете топографическая карта приграничных районов СССР. Именно этот случай пересказывает Некрич на страницах своей книги в интерпретации «вынудили приземлиться». Ага, пулеметным огнем. Немцы со сбитого Юнкерса на допросах утверждали, что всего лишь заблудились в ходе тренировок по слепым полетам. Сбитый Ю-86 нес гражданские опознавательные знаки. Вопреки опять же утверждениям Некрича, летчиков никто с цветами «за ленточку» не провожал. Согласно немецкой версии событий оба были впоследствии освобождены наступающими немецкими частями и вернулись в команду Ровеля.

В общем случае для советских ВВС образца 1941 г. сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой, если не сказать непосильной задачей. Драматичный случай, завершившийся потерей сразу двух новейших истребителей МиГ-3,

¹ Тимин М. Воздушное сражение 22 июня 1941 г.//Авиация и космонавтика. № 1.2016. С. 13.

² Не вернулся из боевого вылета 7 августа 1942 г.

³ Thomas G., Kettley B. KG200. The Luftwaffe's most secret unit. Hikoki Publications. 2003. P. 28.

произошел в Прибалтике 10 апреля 1941 г. В этот день была предпринята попытка перехвата неопознанного самолета, вторгнувшегося в воздушное пространство СССР на большой высоте. С одного из каунасских аэродромов поднялось звено советских истребителей из 31-го истребительного авиаполка 8-й смешанной авиадивизии. На аэродром в Каунасе вернулся только один из них, пилотирующий младшим лейтенантом Акимовым. Летчик Аксютин приземлился на парашюте, а младший лейтенант Евтушенко разбился в катастрофе. Все три МиГа на большой высоте из-за резких маневров на большой высоте и малых скоростях свалились в штопор, из которого благополучно вывел свой самолет только Акимов. Видимо сказались недостаточный опыт пилотирования новой машины. Погибший летчик Евтушенко на МиГ-3 не летал вовсе, а на МиГ-1 выполнил 13 полетов по кругу, не поднимаясь выше 5 тыс. метров.

Было ли это известно исследователям в 1960-х? Разумеется, нет. Пришлось довольствоваться сомнительными утверждениями в мемуарах Н. Н. Воронова о запретах сбивать германские самолеты-разведчики. Говорит это нам что-то о способностях А. Некрича как исследователя? Нет, это никак не показатель.

А. Некричу, конечно, не удалось избежать собственных ошибок, как мелких, так и крупных. Например, он неверно называет номер пехотной дивизии (74-й вместо 75-го), в которой служил перебежчик Альфред Лисков. 74-я пехотная дивизия в вермахте вообще не существовала, этот номер не

был занят. Т.е. специалисту-международнику даже в голову не пришло проверить, а какие дивизии были на участке, где сдался Лисков? Это не было тайной за семью печатями даже тогда.

Именно Александр Некрич пробудил интерес к проблематике 1941 года и взломал лед, мешавший открытию общественной дискуссии в СССР на эту тему. Владимир Богданович Резун, известный как Виктор Суворов, лишь оседлал горячую тему. Приписывать малообразованному и малограмотному во всех исторических вопросах Резуну открытие темы 41-го могут только люди с очень короткой памятью. «Ледокол» это как писание военрука из школьных и студенческих анекдотов с репризами типа «танк живет на поле боя 15 минут», «молчать, я вас спрашиваю!» и прочим горячечным бредом из глубин давно не воевавшей армии. Сравнить грамотно и хорошим языком написанный труд Некрича с «Ледоколом» просто смешно.

Несмотря на многие десятилетия, прошедшие с 1965 г., книга Александра Некрича не потеряла своей актуальности в наши дни. Это достаточно крепкое академическое исследование, написанное в жанре научно-популярной литературы человеком левых взглядов, доброжелательно настроенным по отношению к Советскому Союзу и тем людям, кто встретил врага у границы. В конце концов сам Александр Некрич стоял в одном строю с ними в 1942–1945 гг.

Алексей Исаев
кандидат исторических наук